This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

LB
775
P59
1903

SAL

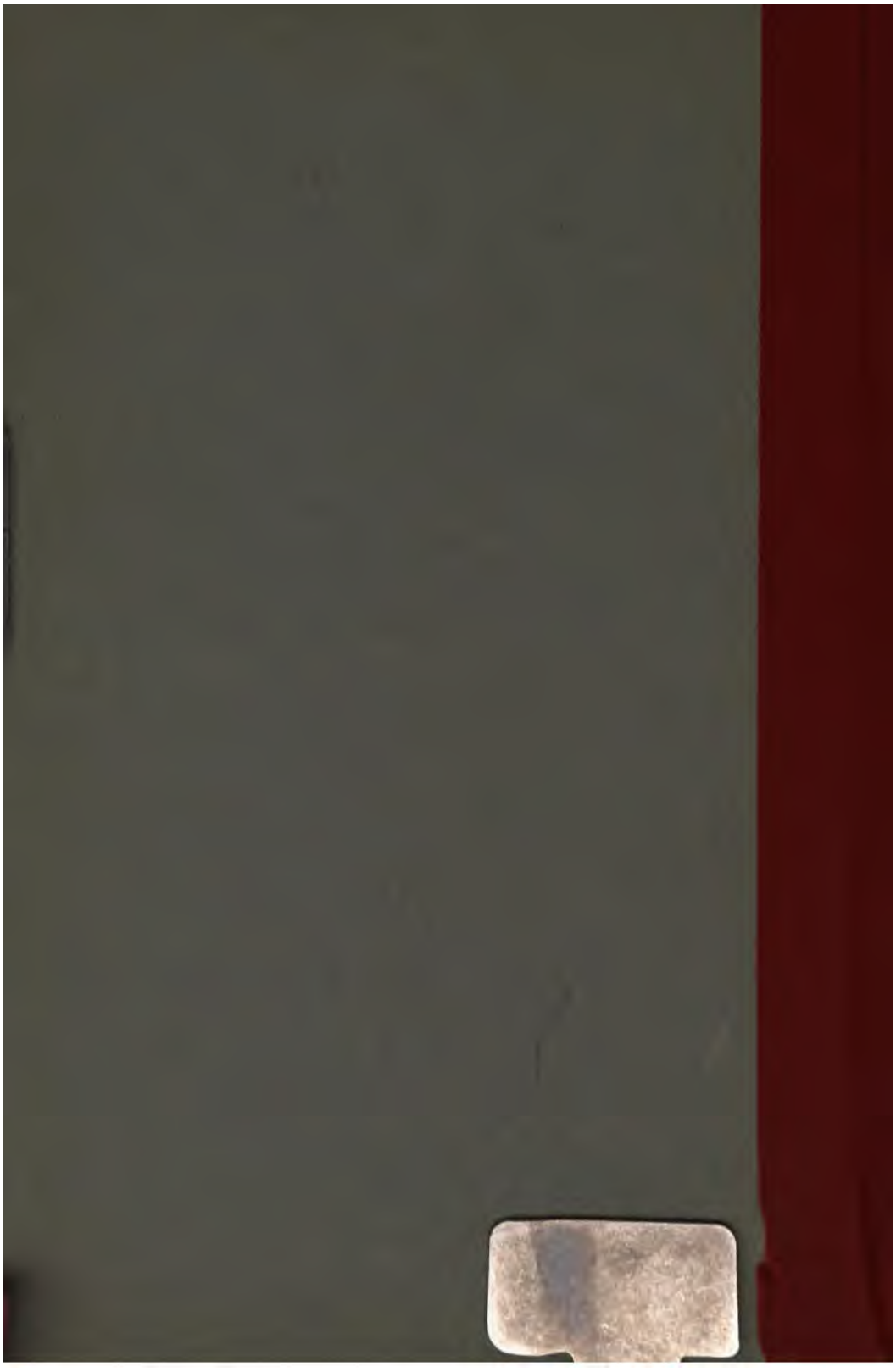
STANFORD
LIBRARIES

Author

Title

Imprint

Class LB775
Book P59
COPY 2



ИН
775
4
03

УЧЕНЬЕ и УЧИТЕЛЬ.

Педагогическія замѣтки.

Изданіе К. П. Побѣдоносцева.

Москва.—1905.

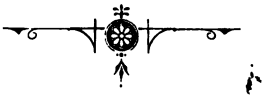
УЧЕНЬЕ и УЧИТЕЛЬ.

Педагогическія замѣтки.

Pobedonostsev, Konstantin Petrovich

Изданіе К. П. Побѣдоносцева,

пятое.



МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, января 15 дня, 1903 года.

LB775
P59
copy 2
MSU March 25, 1948

УЧЕНЬЕ и УЧИТЕЛЬ.

Педагогическія замѣтки.

Прежде чѣмъ учитель началъ учить, ему предстоитъ важное дѣло, которое обыкновенно оставляется безъ всякаго вниманія. Учитель долженъ говорить, т. е. умѣть владѣть своимъ голосомъ сознательно, ибо и онъ прежде всего долженъ учить учениковъ своихъ говорить (издавать голосъ) сознательно. Это, можно сказать, первая ступень школьнаго ученія и первый залогъ успѣха.

Всякій долженъ стремиться къ тому, чтобы рѣчь его была—*внятная*. Кто затрудняется въ произношеніи или кто произноситъ такъ, что нелегко понять его, тотъ лишенъ главнаго орудія, необходимаго въ обращеніи съ людьми. Учителю же въ особенности невозможно управлять своимъ классомъ и овладѣть его внима-

ніемъ, если произношеніе его невнятно, грубо, или тупо, или монотонно, безъ смысла. Голосъ—великое дѣло—онъ можетъ и привлекать и отталкивать, и возбуждать и притуплять или раздражать вниманіе. Иного природа одарила хорошимъ голосомъ, иного обдѣлила; но и тотъ и другой обязаны учиться управлять своимъ голосомъ и его настраивать. Рѣчь учителя должна быть спокойная, сдержанная, внятная. Безъ многословія, каждое слово его должно имѣть цѣну и значеніе для класса.

Учить читать—значитъ учить говорить, т. е. произносить слова и складывать рѣчь сознательно. Въ этомъ смыслѣ уроки чтенія непрерывны до самаго конца школьнаго обученія, только пріемы уроковъ неодинаковы, восходя отъ простого до болѣе сложнаго. Малый ребенокъ прежде всего пріучается правильно произносить каждое слово, и каждое чтеніе должно служить упражненіемъ голоса.

Вслѣдъ за этимъ упражненіемъ станемъ испытывать способность дѣтей уловить смыслъ цѣлой фразы. Сначала пусть они въ умѣ подумаютъ, что оно значитъ; потомъ, пусть тотъ или другой скажетъ свою мысль; затѣмъ, когда образуется общее значеніе фразы, пусть прочтутъ ее внятно. Тутъ дѣло учителя наблюдать

за интонаціей чтенія: она должна быть такова, чтобы видно было, что читающій понимаетъ смыслъ фразы и желаетъ сдѣлать его для другихъ понятнымъ. И надобно, чтобы ученикъ самъ добрался до этого пониманія: если учитель *начнетъ* съ того, что самъ прочтетъ фразу, повтореніе ея учениками будетъ лишь подражаніемъ, и большею частію плохимъ подражаніемъ. Когда закончатся ученическіе опыты чтенія, тогда только полезно будетъ учителю прочесть предъ учениками ту же фразу, надъ которою они трудились, *по книгѣ*. Иное дѣло, если въ свободную минуту, когда предъ глазами у дѣтей нѣтъ книги,—учитель прочтетъ имъ *въ слухъ* ихъ, безъ наглядности, фразу, совсѣмъ для нихъ новую, чтобы показать имъ, какъ слухъ долженъ руководствовать чтеніемъ. Чтеніе только по книгѣ будетъ, и у иныхъ остается на всю жизнь, механическимъ, безжизненнымъ: работаетъ глазъ, а мысль не работаетъ. Необходимо, чтобы она работала и управляла чтеніемъ. Тогда и всякое удареніе тона будетъ правильное, на своемъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ оказывается, такъ сказать, *ключъ* смысла цѣлой фразы.

Нельзя похвалить обычай массоваго чтенія, когда дѣтей заставляютъ разомъ всѣхъ вмѣстѣ

произносить читаемое. Это нестройное чтеніе смѣшанными голосами ни къ чему не служитъ, ни чѣмъ не возбуждаетъ вниманіе учителя и нестройностію звука непріятно поражаетъ слухъ.

На каждой ступени школьной жизни продолжается, и еще возрастаетъ, важное значеніе *чтенія въ слухъ*. Нужно оно во-первыхъ для того, чтобы не утрачивалась, а укрѣплялась привычка къ чтенію внятному, выразительному, разумному. Человѣкъ призванъ дѣйствовать словомъ, а для этой работы, какъ для всякой другой, нужно исправное, усовершенствованное орудіе. Притомъ безспорно ясность *рѣчи* состоитъ въ связи и съ ясностію *мысли:* одно другому соотвѣтствуетъ.

Въ школьной педагогіи недостаточно еще цѣнится великая важность произношенія и чтенія. На каждой стадіи школьнаго развитія оно пріобрѣтаетъ новое значеніе, пока достигнетъ степени художественнаго. Въ этомъ смыслѣ чтеніе становится само по себѣ свободною школою грамматики, правописанія, пунктуаціи, и лучшимъ орудіемъ для развитія вкуса и въ литературѣ и въ письменномъ изложеніи мыслей. Осмысленное, выразительное чтеніе лучшихъ литературныхъ произведеній, особливо поэтическихъ стихотвореній, оставляетъ на цѣлую

жизнь дорогія впечатлѣнія, образующія вкусъ художественный. Разумно руководимое чтеніе— полубезсознательно, полусознательно — подготовляетъ почву для воспринятія правилъ грамматики и стиля, которыя безъ этой подготовки являлись бы лишь мучительнымъ бременемъ для памяти. Всякое твореніе, истинно художественное, въ области слова, пишется и должно писаться помощію не мысли только и зрѣнія, но и помощію слуха: безъ участія слуха не можетъ быть въ немъ той гармоніи слова, которая удовлетворительна для вкуса истинно художественнаго.

Учитель ошибается, если думаетъ, что все дѣло его содержится въ урочныхъ часахъ преподаванія въ классѣ. Много важнѣе междуурочные и послѣ-урочные часы занятій съ дѣтьми: здѣсь собирается богатый матеріалъ для оживленія интереса, для возбужденія мысли и воображенія, для сообщенія понятій и свѣдѣній, здѣсь прямое средство духовнаго и душевнаго общенія учителя съ дѣтьми и залогъ сердечной и умственной привязанности дѣтей къ школѣ и къ учителю.

При самомъ началѣ дѣла, не воображай, что всего важнѣе метода обученія. Всего важнѣе—

въ самомъ началѣ—сознаніе своего долга и вѣрность ему. Въ самомъ началѣ помни: надо вставать рано, надо готовиться къ уроку, поправлять тетрадки учениковъ тщательно, не утягивать ни минуты изъ урочнаго часа.

Если хочешь, чтобы классъ твой былъ спокоенъ и внимателенъ, будь спокоенъ и внимателенъ самъ,—спокоенъ прежде всего во внѣшнихъ пріемахъ. Молодой конь чуетъ неопытнаго, неувѣреннаго въ себѣ сѣдока, и начинаетъ шалить и брыкаться.

Надо тебѣ знать каждаго изъ учениковъ по имени, и по имени звать его. Плохой, равнодушный учитель безъимянно *тыкаетъ* своихъ учениковъ. Въ доброй школѣ я видѣлъ добраго учителя, какъ онъ звалъ дѣтей безъ фамиліи, по именамъ: «Ваня, Сеня, Саша».

Не забывай никогда, что у тебя въ классѣ дѣти: старайся быть *юнъ* съ ними,—и они это почувствуютъ.

Когда ученикъ читаетъ стихотвореніе, не вмѣшивайся въ чтеніе, не перерывай его объясненіемъ, кто такой Олегъ, кто Печенѣги. Пусть

дочтетъ до конца—тогда можешь давать ему реальныя объясненія.

Не будь рабомъ методы, когда надо задавать вопросы ученику. Когда ты его знаешь и глаза твои на него открыты, онъ самъ тебѣ подскажетъ, о чемъ спрашивать.

Если для исторіи литературы станешь руководствоваться однимъ учебникомъ, не будетъ толку. Дай ученику прочесть стихотвореніе поэта—научи его прочесть какъ слѣдуетъ—и тогда легко будетъ тебѣ объяснить, а ему понять, кто былъ писатель и что онъ значитъ.

Когда поправляешь тетради, будь терпѣливъ и внимателенъ: не ожидай и не требуй всего заразъ и отъ каждаго одинаково. Думай, до чего въ данную минуту можетъ быть способна голова ученика твоего: чего не поняла сегодня, можетъ понять завтра—не порти ему радость самосознанія, когда видишь, что онъ старается понять и работаетъ головою.

Не сомнѣвайся въ успѣхѣ, когда дѣлаешь дѣло свое съ мыслью, что оно не должно быть безплодно, и работаешь съ крѣпкою волей, чтобъ ученикъ подлинно отъ тебя научился.

Приходится бороться съ лѣнью и равнодушіемъ. Но помни, что каждое внушеніе и наказаніе должно быть дѣйственно. Не затрачивай сразу всю его силу. Иногда довольно взгляда, довольно движенія. Когда это не достаточно—дѣйствуетъ слово. Но гдѣ довольно одного слова, берегись многословія.

Не раздражайся мелочами и не придавай имъ значенія. Шалунъ нарисовалъ на столѣ твою фигуру, да еще подписалъ. Что тебѣ дѣлать? Спокойно сотри ее или вели стереть сосѣду. Бѣда, если разсердишься, да еще станешь разслѣдывать. Тогда примѣръ станетъ заразителенъ.

Когда сидишь въ классѣ и видишь передъ собою 30 ребятъ, не забывай, что и ты, когда-то былъ совершенно такой же.

И тоже помни: чего требуешь отъ каждаго изъ учениковъ своихъ—и послѣдняго и перваго,—то самъ ты долженъ умѣть дѣлать. Итакъ, всякую работу, какую задаешь имъ, ты долженъ сначала умѣть продѣлать самъ какъ можно лучше. Въ этомъ *правда,* а безъ *правды*—какое учительство!

Я зналъ учителя, котораго любили и боялись—потому что вѣрили ему, и онъ былъ въ себѣ увѣренъ. Онъ не усумнился разъ сказать ученикамъ: «вотъ вы сдѣлали переводъ правильно, а я ошибся и былъ неправъ». Дѣти чувствуютъ правду.

Въ словесномъ упражненіи первое дѣло, чтобъ работа была сдѣлана со стараніемъ, какъ можно лучше, какъ только способенъ сдѣлать ученикъ. Что такое знаніе? Древніе говорили, что добродѣтель есть знаніе. Мы скажемъ, что добросовѣстность въ дѣлѣ есть знаніе. Въ чемъ главный смыслъ твоего учительства? Въ томъ, что ты ведешь учениковъ къ возможной полнотѣ работы и тѣмъ возбуждаешь въ нихъ стремленіе къ *совершенству*.

Будь естественъ: говорить надобно такъ, чтобъ ясно понимали тѣ, кому говоришь. Итакъ, когда говоришь, не отъ себя исходи, не о себѣ думай, а о тѣхъ, кому говоришь. Въ нихъ жизнь движется: надобно имъ слышать живое слово.

Берегись употреблять отвлеченныя фразы, берегись нанизывать правило на правило. Дорога, вымощенная отвлеченностями да правилами, ведетъ къ отупѣнію и отводитъ отъ жизни.

Учитель пусть помнитъ, что онъ дѣлаетъ великое дѣло, которое нельзя дѣлать съ *небреженіемъ*.

Стоило бы, напримѣръ, каждому учителю записать себѣ на память: 1) Учитель, когда кланяется ему ученикъ, не оставляетъ поклонъ безъ отвѣтнаго знака. 2) Не долженъ учитель сидѣть на своемъ мѣстѣ разгильдяемъ и облокотясь руками на столъ. 3) Ни ученикъ передъ нимъ, ни онъ передъ ученикомъ не стоитъ, держа руки въ карманахъ. 4) Учитель никакъ не опаздываетъ, и послѣднимъ выходитъ изъ класса

Когда слышишь нашихъ ученыхъ педагоговъ,—они, кажется, думаютъ, что ихъ научныя правила даютъ имъ въ руки универсальное средство сдѣлать что угодно съ живымъ матеріаломъ, который дается въ руки учителю. Точно въ рукахъ у него мягкій воскъ, изъ котораго человѣкъ, обладающій техникой, можетъ лѣпить какія угодно фигуры. Къ счастью не то выходитъ на дѣлѣ, и эта техника сама по себѣ оказывается мертвящею буквой. Педагоги эти не понимаютъ, что каждый классъ изъ 20, 30, 40 дѣтей есть живое существо, живущее своею жизнью, имѣющее свою душу, и что въ эту душу учителю предстоитъ проникнуть.

Когда судятъ о человѣкѣ, надобно отыскивать въ немъ не одну лишь отрицательную сторону, а прежде всего положительную: мы скорѣе замѣчаемъ, чего нѣтъ въ человѣкѣ, нежели что есть въ немъ. А что есть, это всего важнѣе.

Такъ, обсуждая ученическія работы, мы гоняемся за ошибками и ихъ отмѣчаемъ. Этого мало и эта мѣрка неправая. Надо умѣть смотрѣть внутрь, сквозь ошибки. Кто умѣетъ, видитъ сквозь ошибки, къ чему способенъ ученикъ, что умѣетъ, что можетъ дальше въ немъ вырости. Итакъ, напрасно думаетъ начальникъ, что, обозрѣвъ множество тетрадокъ, по счету отмѣченныхъ ошибокъ, получитъ онъ понятіе о цѣломъ классѣ и о способностяхъ каждаго ученика.

Одни наставленія и выговоры плохо дѣйствуютъ, если ученикъ не привыкъ видѣть въ учителѣ живой образъ умѣнья, старанія, добросовѣстности,—и уважать его. Когда ученикъ *боится* учителя въ нравственномъ смыслѣ этого слова, одинъ взглядъ, одно слово учителя будитъ ученика, стыдитъ, ободряетъ, оживляетъ, руководствуетъ.

Когда работа употребляется въ школѣ въ видѣ наказанія,—это плохой показатель: зна-

читъ, работа мало цѣнится, или сама по себѣ считается тяжкимъ и скучнымъ дѣломъ.

Есть методическіе лабиринты, въ которыхъ только опытный и разумный учитель можетъ найти себѣ входъ и выходъ, а неразумный и начинающій путается безъ исхода. Таковъ лабиринтъ прославляемаго «*объяснительнаго чтенія*». Разъигрываясь на этомъ широкомъ полѣ, фантазія учителя можетъ довесть ученика до отупѣнія, прерывая мысль его въ чтеніи на каждомъ шагу и сбивая его съ толку вопросами и внушеніями. Чтеніе какой нибудь басни превращается у иного учителя въ урокъ de omni re scibili et quibusdam aliis: точно входитъ онъ въ лѣсъ и спотыкается на каждомъ кустикѣ и деревѣ, забывая совсѣмъ о существенномъ предметѣ урока. Неразумные поклонники этого метода, развивая его, любятъ составлять примѣрные уроки длинныхъ объяснительныхъ чтеній; служа образцами, эти уроки вводятъ одного слѣпца за другимъ въ яму, изъ которой не найдешь выхода.

Учитель! учитель! подумай—нѣтъ науки, которую нельзя было бы обратить въ орудіе мученій для «малыхъ сихъ», состоящихъ подъ твоей

ферулою. Твое дѣло помогать имъ расти, а сколько педагоговъ, считающихъ долгомъ надѣвать на нихъ цѣпи и корсеты какъ будто для того, чтобы задерживать ростъ или искажать его!

Вотъ—казалось бы простое дѣло—правописаніе—а сколько таится въ немъ пытки, сколько изобрѣтенныхъ правилъ, которыя сводятъ на мертвую букву дѣло разума и логики. И какія правила—у одного одни, у другого другія. Тетради учениковъ твоихъ испачканы отмѣтками ошибокъ тамъ, гдѣ сосѣдній учитель не нашелъ ошибки. Ты приводишь ученика въ стыдъ и въ слезы за то, что онъ написалъ: маленькіе дѣти; а сосѣдъ твой—за то, что онъ написалъ: маленькія дѣти. У тебя большимъ грѣхомъ считается *искуство* съ однимъ *с*, а у сосѣда изгоняется двойное *с* изъ этого слова. Ты съ великимъ прещеніемъ уничтожаешь запятыя тамъ, гдѣ сосѣдъ твой ставитъ ихъ обильно, укоряя ученика за ошибку, и гдѣ у тебя повелѣвается двоеточіе, сосѣдъ твой повелѣваетъ ставить тире или точку съ запятой. Такъ, процѣживая комаровъ, ты поглощаешь въ то же время верблюдовъ здравой педагогіи. Знаешь ли ты, гдѣ корень и правописанія и правильной рѣчи? Этотъ корень есть—осмысленное, одушевленное чтеніе, съ первой его стадіи до послѣд-

ней. Кто привыкъ упражняться въ немъ, пріучается понимать смыслъ и движеніе каждой фразы и, пріобрѣтая вкусъ, узнаетъ самъ собою, гдѣ ставить знаки препинанія. И стóитъ ли мучить его на мнимыхъ кѣмъ-то узаконенныхъ тонкостяхъ правописанія, когда онъ самъ распознаетъ современемъ, на чтеніи художественной рѣчи, гдѣ что правильнымъ складомъ ея требуется.

Тѣсенъ, повидимому, и скуденъ и одинокъ кругъ дѣятельности учителя. А если ему суждено учить и дѣйствовать въ глуши, онъ становится подвижникомъ. Но благо тому, кто и на этомъ мѣстѣ не успѣлъ духъ угасить въ себѣ... сберечь свои крылья... Могій вмѣстити, да вмѣститъ.

Учитель не есть какая либо *принадлежность* школы, которая при ней предполагается: это есть самая сущность школы, и безъ учителя никакая школа не мыслима: учитель долженъ быть *созданъ* для школы. Любую канцелярію можно составить изъ охотниковъ и изъ работниковъ, но бѣда, если школа разумѣется не выше канцеляріи, бѣда, если при устройствѣ школы, также какъ и при устройствѣ канцеляріи, слышится та же рѣчь: стóитъ кликнуть кличъ

и учители явятся, сколько ихъ есть ищущихъ работы и хлѣба.

Можно сказать—и нынѣ многіе какъ будто такъ думаютъ: настроимъ, надѣлаемъ школъ,—этого требуетъ просвѣщеніе. Наберемъ учителей: дадимъ имъ въ руки программы и новѣйшіе методы обученія, свяжемъ ихъ правилами инструкцій—и дѣло пойдетъ. Нѣтъ, нѣтъ, это не такъ. Пусть собираются конференціи педагоговъ и спеціалистовъ, пусть придумываютъ лучшіе способы обученія, пусть пишутъ и печатаютъ томы своихъ протоколовъ и мнѣній. Напрасный трудъ,—и дѣло можетъ оказаться подобіемъ Крыловскаго Квартета. Явятся учрежденія учебныя—но живой души въ нихъ не будетъ, пока не будутъ для нихъ созданы живые учители. Скажутъ: создадимъ спеціальныя заведенія для приготовленія учителя: но вѣдь и для того, чтобы его изготовить, потребенъ на живое дѣло воспитанія живой учитель, живой руководитель. И напрасно думать, что достаточны и для этого курсы учебныхъ предметовъ, программы и инструкціи. Учитель-ремесленникъ, учитель-чиновникъ не годится для живого дѣла. Учитель долженъ быть подвижникомъ своего дѣла, полагающій душу свою въ дѣло обученія и воспитанія...

Учителей готовятъ обыкновенно въ спеціальныхъ учительскихъ школахъ, заботясь о сообщеніи имъ знаній всякаго рода по установленнымъ программамъ, и въ особенности научныхъ знаній въ области педагогіи. Но и при помощи наукъ и курсовъ не выработается нужный для дѣла учитель, если не прошелъ онъ чрезъ *лабораторію* дѣйствительнаго учительства въ *начальной школѣ*, гдѣ пріобрѣтается *искуство* учить, не посредствомъ книжныхъ лекцій, но обращеніемъ съ живыми дѣтьми, притомъ не съ тѣми или другими дѣтьми, но съ цѣлой организованною массою дѣтей. Поэтому едва ли годится учить какъ слѣдуетъ и въ средней школѣ учитель, не прошедшій искуса въ школѣ начальной, гдѣ надобно подлинно *учить* дѣтей. Если онъ въ курсѣ приготовленія къ учительству привыкъ только *пріобрѣтать* знанія, но не умѣетъ *сообщать* ихъ, то и средняя школа немного пріобрѣтетъ въ немъ.

Стоитъ пересмотрѣть списки существующихъ учебныхъ заведеній всѣхъ степеней—и ужасно становится представить, какая масса учителей всюду требуется. Но учитель, принадлежащій заведенію, сросшійся съ нимъ и живущій въ немъ его жизнью—есть поистинѣ гага avis въ

наше время. Кое гдѣ еще можно сыскать стараго учителя педагога, издавна сидящаго на своемъ мѣстѣ,—да еще гдѣ-нибудь въ глухой деревнѣ отыскать старика учителя, въ голодѣ и холодѣ изъ любви къ дѣтямъ посвящающаго всю свою жизнь уходу за ними: такіе труженики, вмѣстѣ со старыми дьячками, составляютъ нынѣ рѣдкость—это люди почтенные, на которыхъ, когда встрѣтишься съ ними, любоваться надо.

Но въ городѣ, тѣмъ болѣе въ большомъ городѣ, учитель представляется какимъ-то наемникомъ учебнаго труда, изнывающимъ въ тоскѣ своего званія, и учительство принимаетъ видъ ремесла. Въ непрестанной заботѣ о хлѣбѣ насущномъ для себя и для семьи своей,—безъ интереса, безъ одушевленія несетъ онъ поденный трудъ, перебѣгая или переѣзжая изъ одного учебнаго заведенія въ другое на уроки, и всюду является усталый, раздраженный, утягивая нерѣдко минуты и четверти часа изъ каждаго урока, и не посвящая труда своего ни одной изъ школъ, въ коихъ учительствуетъ. Какъ ему знать учениковъ своихъ, какъ слѣдить за ихъ способностью и развитіемъ? Остается ему только давать урокъ, предлагать вопросы и на отвѣты ставить безличныя цифры отмѣтокъ. Рѣдко

можно встрѣтить учителя довольнаго трудомъ своимъ, мѣстомъ и положеніемъ—онъ поглощенъ заботою объ улучшеніи своего быта и высматриваніемъ—гдѣ бы лучше устроиться на другомъ мѣстѣ.

Можно завесть сколько угодно учительскихъ школъ и институтовъ, израсходовать на нихъ большія суммы, снабдить ихъ всѣми усовершенствованными пособіями, наполнить ихъ преподавателями, стоящими на высотѣ науки,—и все-таки не получить желаемаго, настоящаго, одушевленнаго и прочнаго учителя. Отъ чего? отъ того, что идея ученія и воспитанія неглубокая и неодушевленная; отъ того, что на умѣ учениковъ одна главная цѣль—въ дѣлѣ, къ которому готовится,—получить *средство* для жизни, содержанія себя. Отъ того у нихъ въ этомъ дѣлѣ лѣвая рука всегда будетъ знать, что дѣлаетъ правая; отъ того на призваніе свое и свое дѣло смотрятъ они, какъ на временную стадію къ лучшему устройству своего быта.

Съ громаднымъ развитіемъ промышленности, съ расширеніемъ рынковъ, съ умноженіемъ центровъ производства, привлекающихъ массу работниковъ къ машинѣ, къ труду механиче-

скому, умножаются предметы производства и потребленія, раждаются и плодятся новыя потребности, собираются и распредѣляются новые капиталы, но—вмѣстѣ съ тѣмъ истощаются и разлагаются силы души народной, глохнутъ живые источники одушевленія. Неестественно раздувается городъ, привлекая къ себѣ массу сельскаго населенія, растетъ то въ праздной безработицѣ, то въ Египетской работѣ изнывающая толпа людей, стремящихся невѣдомо куда, недовольныхъ, раздраженныхъ, бездомныхъ, живущихъ день за день безъ горизонтовъ, безъ надеждъ, безъ сознанія...

Нѣчто подобное угрожаетъ школѣ, когда она перестаетъ быть мастерскою воспитательнаго труда и вступаетъ въ область механическаго производства, гдѣ происходитъ вѣчная работа у машины, гдѣ некогда душѣ человѣческой отдохнуть, опознаться и опомниться. И школа можетъ уподобиться заводу, дѣйствующему паромъ или электричествомъ, бездушной машинѣ, выбрасывающей отъ времени до времени наскоро изготовленныхъ кандидатовъ—для экзамена и патента.

Въ нашъ вѣкъ всеобщаго наводненія книгами разумному человѣку, желающему дѣйстви-

тельнаго дѣла въ своей жизни, приходится искать разумнаго выхода изъ множества книгъ. Книги, слова, рѣчи—не столько качествомъ, сколько количествомъ, оказываютъ нерѣдко слишкомъ сильное дѣйствіе на всю нашу жизнь, на образъ мыслей нашихъ, на направленіе воли, на образованіе характера. Читать книгу на мѣстѣ сидя мѣшаетъ видѣть жизнь въ ея дѣйствіи, знать людей и дѣла людскія. Неумѣренное питаніе разстраиваетъ организмъ: подобно тому и неумѣренное пользованіе печатнымъ словомъ разстраиваетъ мысль, къ серьезному дѣлу направленную.

Эта опасность особенно ощутительна въ дѣлѣ воспитанія. Въ этомъ дѣлѣ жизни первою потребностью служитъ не какая либо новая теорія или умная книга, а дѣйствительная лабораторія педагогики. Одинъ день въ этой лабораторіи можетъ дать внимательному уму и воспріимчивому сердцу болѣе, чѣмъ дюжина прочитанныхъ книгъ о педагогіи: тутъ мы подлинно учимся наблюдать дѣйствительные факты и живыхъ людей, не питаясь только словесными описаніями того и другого. Жизненные элементы воспитательнаго дѣла ускользаютъ отъ описанія и доступны лишь непосредственному ощущенію.

Не мало есть высшихъ учебныхъ заведеній, откуда выходятъ люди на дѣло учительское и на проповѣдь. Въ заботѣ о высшихъ курсахъ, о трудныхъ экзаменахъ, объ ученыхъ диссертаціяхъ, они считаютъ ниже своего достоинства— учиться, какъ учить дѣтей. И если бы кто попробовалъ предложить имъ это средство, они отвергли бы его съ негодованіемъ. Напрасно. Пропустивъ время воспитать въ себѣ *душу* учительства, многіе уже не наживутъ ее и останутся при одномъ *ремеслѣ* учительства. Дѣти могли бы во время научить ихъ искуству ясной, простой, одушевленной рѣчи, понятной и сочувственной тому, къ кому она обращается.— Дѣти могли бы отучить ихъ отъ привычки многословной рѣчи, напичканной звонкими фразами, искуственными выраженіями и ложнымъ паѳосомъ, служащимъ одною лишь маскою одушевленія.

Могутъ сказать: мало намъ идеальныхъ требованій—намъ нужно сейчасъ наилучшее школьное учрежденіе—надо распространять просвѣщеніе въ народѣ, и ждать некогда.

Но въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и воспитанія мудрость велитъ не спѣшить, но стремиться послѣдовательно и неуклонно къ дости-

женію идеала, приближаясь по мѣрѣ возможности къ его осуществленію. Одно лишь необходимо, чтобъ *идеалъ* былъ истинный, вѣрный, а не мнимый, фантастическій и колеблющійся вѣтрами случайныхъ направленій. Что пользы въ томъ, что школъ настроимъ всюду множество, а учителя мы не воспитали, или строимъ школы свои на ложномъ идеалѣ и въ разладъ съ дѣйствительными потребностями жизни и съ непреодолимыми условіями мѣста и времени.

Кто хочетъ разомъ получить готовую схему школьнаго устройства и школьнаго образованія и разомъ привесть ее въ исполненіе, разомъ поставить всюду массу школъ и полки учителей,—тѣ пусть идутъ на рынокъ педагогіи къ продающимъ и купующимъ готовые *рецепты* и *программы* знанія, пусть слушаютъ рѣчи собранныхъ въ засѣданіе спеціалистовъ и читаютъ пространные протоколы ихъ засѣданій, пусть избираютъ рекомендованныя системы разсадки и организаціи школьныхъ правителей и дѣятелей.

Не часто встрѣтишь учителя, который, зная учениковъ своихъ, умѣлъ бы назначать каждому, по степени способностей его и развитія, темы для такъ называемыхъ «сочиненій»? Кому

приходилось пересматривать длинные списки темъ, назначаемыхъ для сочиненій,—тому остается только удивляться скудости педагогическаго разсужденія въ этомъ немаловажномъ дѣлѣ. Подъ словомъ «сочиненіе» разумѣется обыкновенно какое-то самостоятельное изложеніе мыслей самого ученика о предметѣ, о которомъ ученикъ не въ силахъ разсудить самъ, а понуждается лишь разыскивать и повторять или перифразировать чужія мысли и чужія фразы. Отсюда съ одной стороны очевидная безплодность такихъ упражненій, съ другой стороны совершенное извращеніе оцѣнки этихъ упражненій со стороны учителя, сбивающее ученика съ толку. Ученикъ, наполнившій свою работу наборомъ фразъ и высокихъ мыслей отовсюду надерганныхъ, получаетъ похвалу за свою работу и можетъ вообразить себя художникомъ слова и мысли; а другой, потрудившійся добросовѣстно изложить то, что ему извѣстно о предметѣ темы, получаетъ выговоръ за то, что трудъ его не самостоятеленъ.

Письменная работа должна служить опытомъ мышленія и *изложенія*, и въ этомъ смыслѣ служитъ необходимымъ показателемъ умственнаго развитія ученика; но требовать въ ней самостоятельнаго мышленія значитъ лишь пор-

тить дѣло. Сочиненіе должно быть ни болѣе ни менѣе какъ отчетливымъ изложеніемъ доступныхъ ученику фактовъ и понятій. Для этого долженъ быть указанъ ему матеріалъ, изъ котораго онъ можетъ почерпать эти факты и понятія. Итакъ, въ начальной школѣ тема должна быть проста, въ соотвѣтствіи съ доступными ребенку ощущеніями и съ впечатлѣніями несложнаго чтенія. Въ дальнѣйшемъ ходѣ ученія усложняется и свойство и количество матеріала, но сущность работы остается та же самая. Изучить указанные факты, привесть ихъ въ сознаніе, соединить въ ясности и изложить такъ, чтобы понятно было и писавшему и читающему— вотъ достоинство работы, къ которому она должна быть направлена; и если каждая такая задача исполнена будетъ добросовѣстно, то ученикъ съ каждымъ разомъ будетъ входить въ силу и чувствовать себя свободнѣе въ умственной работѣ, пріобрѣтая навыкъ къ точности изложенія и къ художеству въ его отдѣлкѣ.— Такъ воспитывается въ немъ *умѣнье* выражать мысли и понятія, а гдѣ есть умѣнье, тамъ растетъ интересъ и рано или поздно приходитъ само собою *знаніе.*

Ты преподаешь дѣтямъ Законъ Божій.... Больше всего берегись дѣлать изъ Евангелія учебную книгу: это грѣхъ. Это значитъ—въ *ребенкѣ* обезцѣнивать для *человѣка* книгу, которая должна быть для него сокровищемъ и руководствомъ цѣлой жизни. *Страшно* должно быть для совѣсти разбивать слово жизни на бездушные кусочки и дѣлать изъ нихъ мучительные вопросы для дѣтей. Приступать съ рѣчами о Евангельскихъ словахъ къ дѣтямъ и вызывать у нихъ отвѣты—для этого потребна душа, чуткая къ ощущеніямъ дѣтской души,—но когда приступаютъ къ дѣлу съ одной механикою программныхъ вопросовъ, и ставятъ цифирныя отмѣтки за отвѣтъ на вопросы, иногда неловкіе и непонятые ребенкомъ,—вызывая волненіе и слезы,—грѣхъ принимаютъ себѣ на душу экзаменаторы—и можно сказать объ нихъ: не вѣдаютъ, что творятъ—съ душою ребенка.

Есть какое-то лицемѣрное обольщеніе въ школьномъ дѣлѣ, когда Законъ Божій и соединенное съ нимъ внушеніе началъ нравственности составляетъ лишь одинъ изъ *предметовъ* учебной программы. Какъ будто нечего больше желать и требовать для нравственной цѣли,—какъ имѣть наличность той или другой цифровой

отмѣтки за отвѣты въ предметѣ, называемомъ Закономъ Божіимъ. Есть въ школѣ законоучитель, есть программа, есть баллъ, показатель *знанія*— в sempre bene. Результаты такой постановки ученія—поистинѣ чудовищные. Я видалъ учебники, въ коихъ по пунктамъ означено, что требуется для спасенія души человѣка—и экзаменаторъ сбавляетъ цифру балла тому, кто не можетъ припомнить всѣхъ пунктовъ... Гдѣ тутъ разумъ? Гдѣ нравственность? Гдѣ наконецъ—и прежде всего—*вѣра*, о коей мы лицемѣрно заботимся?

Если же мы хотимъ правды въ этомъ великомъ дѣлѣ, то не станемъ отъ нея прятаться. И вѣра и нравственность—не равные съ прочими предметы обученія: одни уроки и наставленія для этого недостаточны. И вѣра и нравственность воспитываются въ душѣ цѣльнымъ воздѣйствіемъ (домашней и говоря о школѣ) школьной жизни. Лишь бы эта школьная жизнь не была раздвоена на двѣ отдѣльныя части—религіознаго и свѣтскаго обученія, но составляла въ гармоніи частей одно органическое цѣлое. Семья должна посѣять и воспитать въ душѣ чувство благоговѣнія и вѣры: школа должна не только поддержать это чувство, но и освѣтить въ душѣ *идею*, безъ которой одно чувство

смутно и неустойчиво. Школа должна поставить это чувство и эту идею въ нравственную связь съ жизнію—воздѣйствовать на ребенка своею нравственною обстановкой. Когда ученики связаны съ учителемъ взаимнымъ сочувственнымъ искреннимъ отношеніемъ, тогда возрастаетъ и воспитывается въ дѣтяхъ живое нравственное сознаніе правды ученія Христова, одухотворяющаго любовію животную природу человѣческую.

Вѣра должна быть живая и дѣйственная, слѣдовательно, должна быть нераздѣльна съ церковью. Школа, поколику она народная, должна отражать въ себѣ душу народную и вѣру народную—тогда только будетъ она люба народу. Итакъ, школѣ прямое мѣсто при церкви и въ тѣсной связи съ церковью. Она должна быть проникнута *церковностью* въ лучшемъ, духовномъ смыслѣ этого слова. Одухотворяясь ею, она сама должна одухотворять ее, для души народной. Отсюда—непремѣнное участіе школы въ дѣйствѣ церковнаго Богослуженія—въ чтеніи и пѣніи. Кто испыталъ и видѣлъ, тотъ знаетъ, какое это могучее духотворное, воспитательное орудіе и для школы и для души народной, въ которую вноситъ просвѣтлѣніе религіознаго сознанія и чувства. Разумное, осмысленное чтеніе въ церкви вводитъ ученика въ

Хорошо, когда въ школѣ *свѣтло* и *весело*—подлинно хорошая эта школа. Увы! бѣдность наша, нищета наша заставляетъ насъ ютиться въ темныхъ, тѣсныхъ помѣщеніяхъ—иногда совсѣмъ безъ свѣту. Но плохой учитель, когда у него въ школѣ не весело, когда дѣти не бѣгутъ туда съ радостью, не рвутся туда въ каждую свободную минуту. Гдѣ есть только возможность, украшайте вашу школу, изгоняйте изъ нея грязь и пыль и мрачные, наводящіе тоску, цвѣта. Пусть она будетъ любимымъ мѣстомъ общежитія—если оно темно, школа освѣтитъ его, если оскудѣло духовнымъ интересомъ, школа привьетъ къ нему мысль и чувство, если загрубѣло и зачерствѣло, школа дохнетъ на него любовью.

Изъ учителя можетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, выродиться начальникъ заведенія. Вотъ когда,—если сила его еще не истощилась, вотъ когда потребны ему всѣ усилія—не угашать въ себѣ духа.

Начальникъ заведенія долженъ весь принадлежать ему, жить въ заведеніи одною съ нимъ жизнью. Ученье начинается въ 8 часовъ. Въ 7 или въ 6 встаетъ школа—тогда же встаетъ

и начальникъ. Стыдно тому, кто лежитъ еще въ постели, когда ожила его школа.

Отъ него требуется энергія. Что значитъ энергія? Иные разумѣютъ подъ этимъ словомъ рѣшительный тонъ, рѣзкіе начальственные пріемы; другіе—строгость въ поддержаніи внѣшнихъ порядковъ и внѣшнихъ правилъ поведенія. Энергія означаетъ—не одно упорство воли, но постоянное дѣйствіе воли въ томъ же духѣ и направленіи.—Тутъ уже мало добросовѣстной аккуратности въ одной работѣ, порученной учителю. Мало, ибо начальникъ долженъ *править*.

Править значитъ прежде всего: всегда быть на мѣстѣ, и не полагаясь на силу приказаній, дѣйствовать примѣромъ, быть первымъ работникомъ. Онъ первый—не надъ подчиненными во власти сущими, но первый—между коллегами-учителями, и долженъ стоять не надъ ними, а посреди ихъ, сохранять и поддерживать ихъ интересъ въ ученіи и наукѣ, оживляя его своимъ интересомъ.

Далѣе. Что значитъ править? Значитъ—умѣть отличать существенное отъ несущественнаго, главное отъ мелочнаго—отыскивать въ дѣлѣ *возможное*, ощущать добро и разумъ въ каждомъ человѣкѣ.

Иной правитъ на восточный манеръ—предписаніями, циркулярами, протоколами, конференціями, реформами, инструкціями, программами,—а самъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ, пока ему доложатъ и его вызовутъ. Иной думаетъ, что для сохраненія власти и уваженія слѣдуетъ, подобно Персидскому Шаху, рѣдко показываться въ люди. Плохой разсчетъ.

Однако разумный начальникъ знаетъ, что во многоглаголаніи, равно какъ и во многописаніи нѣтъ спасенія, и что можно безъ конференціи и безъ протокола серьезно разсуждать о серьезномъ вопросѣ.

Начальнику школы необходимо, чтобы самъ онъ былъ знающимъ и опытнымъ учителемъ, чтобъ имѣлъ призваніе къ учительству, и былъ человѣкъ не только умный, но и одушевленный, притомъ не карьеристъ, высматривающій почестей и возвышенія по службѣ.—Ничто человѣческое ему не чуждо; онъ любитъ юношество, доброжелателенъ къ своимъ коллегамъ и заботливъ объ нихъ въ нуждѣ. Самъ, будучи первымъ работникомъ, всѣхъ одушевляетъ въ работѣ. Въ отношеніи къ своимъ коллегамъ естественъ, и умѣетъ, когда нужно, оговаривать ихъ и дѣлать имъ внушенія безъ рѣзкихъ словъ и начальствен-

наго тона. Онъ твердъ во всемъ томъ, что требуется правдою и чувствомъ долга, безъ поблажекъ и уступокъ, но къ каждому относится сообразуясь съ природой и характеромъ каждаго. Вотъ идеальныя черты начальника.

Великое дѣло—одушевленіе въ дѣлѣ воспитанія и обращенія съ людьми. Но и оно должно быть естественное и не переходить въ *пафосъ*. Благо тѣмъ, у кого при одушевленіи есть въ характерѣ *юморъ*. Это истинная *соль* всякаго одушевленія, и великая сила, устраняющая *сухость* и формализмъ въ отношеніи къ дѣлу и къ людямъ.

Во всякомъ званіи человѣкъ долженъ смотрѣть за собой, чтобы *духа не угасить* въ себѣ. Обычное дѣло рукъ человѣческихъ, день за днемъ, можетъ подавить человѣка и овладѣть имъ, если самъ онъ духовно имъ не овладѣетъ. Эта опасность угрожаетъ въ особенности учительскому званію. Учитель, закоснѣвъ на своемъ предметѣ, и на однообразныхъ классныхъ упражненіяхъ, можетъ замереть духомъ въ учебномъ обычаѣ. Такъ, оставаясь исправнымъ во внѣшности, можетъ мало по малу утратить способность жить одною жизнью съ своимъ классомъ и духовно возбуждать его.

«Буква убиваетъ, духъ животворитъ». Но служителей буквы, къ несчастью, несравненно болѣе, нежели служителей духа. И первымъ приходится иногда господствовать надъ послѣдними: въ такомъ случаѣ они являются нерѣдко гасителями духа.

Берегись этого, когда судьба поставляетъ тебя надзирателемъ или наблюдателемъ надъ школами. Необходимо различать существенное отъ несущественнаго, а одушевленіе, ревность, любовь, чувство долга — самое существенное въ школьномъ дѣлѣ. И потому, когда видишь учителя, который всю душу свою отдаетъ обученію и воспитанію дѣтей, которыя льнутъ къ нему и его слушаютъ,— берегись приступать къ нему съ властнымъ начальственнымъ видомъ и не смущай его требованіями бумажнаго и программнаго формализма. Школа не канцелярія,— и если возобладаетъ въ ней канцелярія,— школа пропала. Что пользы въ буквальномъ соблюденіи формы вопросовъ и отвѣтовъ по учебнику и программѣ,— когда учитель подобно машинѣ дѣйствуетъ въ школѣ. Буквальные отвѣты не означаютъ еще знанія,—и тѣмъ еще менѣе пониманія, умѣнья, способности возрастать и совершенствоваться.

Ты поставленъ наблюдателемъ. Горе тебѣ, если пріѣзжая въ школу, считаешь ты главнымъ или единственнымъ долгомъ своего званія обозрѣть тетради, отмѣтки и вѣдомости,—и затѣмъ ѣхать далѣе. Ищи повсюду учителя—его смотри, съ нимъ бесѣдуй по человѣчески: вѣдь, онъ главное орудіе школы. Если онъ колеблется, твое дѣло поддержать его. Если сомнѣвается, научи его. Если онъ приложилъ сердце свое къ дѣлу и живетъ, истощаясь ревностью, въ дѣтяхъ, берегись смущать его. Если живетъ онъ въ нуждѣ, въ голодѣ и въ холодѣ,—не проходи мимо него равнодушно—Богу дашь отвѣтъ, если не позаботишься ободрить человѣка въ его терпѣніи. И слово бываетъ дороже дѣла, но и для дѣла на пользу человѣка можешь просить, убѣждать, настаивать, если хочешь не съ небреженіемъ дѣлать дѣло своего званія.

Случается слышать о *варварствѣ* нѣкоторыхъ формъ новѣйшей культуры. Не мудрено отнесть къ этому разряду, въ области педагогіи, наши *экзамены*. Жестокая и бездушная форма ихъ образовалась и развилась нераздѣльно съ новѣйшимъ вырожденіемъ нашей школы, во всѣхъ ея степеняхъ. Повсюду послышались крики: свѣта, свѣта! то-есть ученья, школъ,

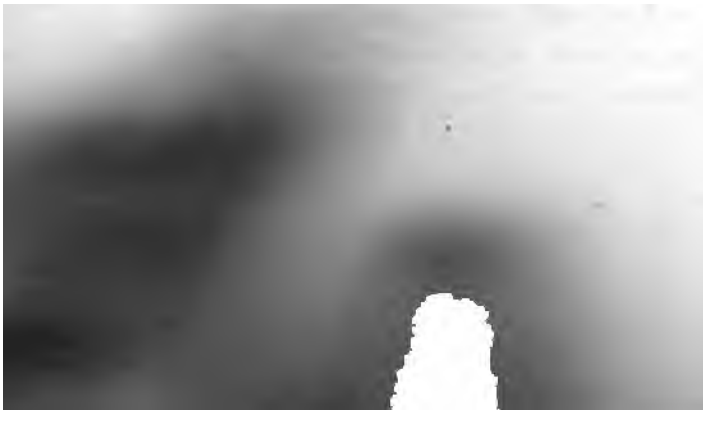
учебныхъ заведеній! И школы стали расти повсюду, какъ грибы, и массами стали толкаться въ двери школы желающіе учиться—то-есть пройти курсъ ученія и найти себѣ исходъ на дорогу жизни. Школьныя палаты и аудиторіи стали тѣсны для множества устремившагося туда юношества. Потребность въ учителяхъ и профессорахъ стала возрастать въ громадныхъ размѣрахъ—и работа преподавателей усилилась до крайности. Преподавателю стало крайне трудно, или вовсе невозможно слѣдить за результатами своего труда въ массѣ учениковъ или слушателей—и почти единственнымъ способомъ разобраться сколько нибудь въ этой массѣ, при концѣ курса или обученія—служитъ экзаменъ. Въ этихъ условіяхъ дѣла экзаменъ и для экзаменатора и для экзаменующихся есть краткое время крайняго напряженія умственныхъ силъ, приводящаго и тѣхъ и другихъ нерѣдко въ состояніе нервнаго раздраженія.—Экзаменъ означаетъ *испытаніе*. Испытаніе въ истинномъ педагогическомъ смыслѣ предполагаетъ личное отношеніе къ тому, кого испытываютъ, требуетъ спокойнаго отношенія къ дѣлу, разума, терпѣнія и времени. А времени очень мало, для испытанія цѣлой массы, по одиночкѣ,—для спокойствія же и терпѣнія—условія самыя небла-

гопріятныя. Остается примѣнять къ испытанію механическую формулу вопросовъ, взятыхъ или выдергиваемыхъ изъ программы каждаго предмета. Это признается кратчайшимъ способомъ повѣрки *знаній,* вынесенныхъ ученикомъ изъ годичнаго курса. Этой повѣркѣ подвергается масса; экзаменатору нѣтъ дѣла до личности ученика. Самъ, приведенный въ нервное состояніе механическою работой, онъ выдергиваетъ вопросы, на которые долженъ отвѣчать ученикъ. А ставить вопросы—дѣло искуства, нераздѣльнаго съ наблюденіемъ за тѣмъ, кому вопросы предлагаются: для такого наблюденія большею частью нѣтъ ни способности, ни времени. Выходитъ нѣчто подобное прикидыванію мѣрки роста на рекрута. Въ пять минутъ можно справиться съ каждымъ, предложивъ ему нѣсколько вопросовъ: если молчитъ, или неладно отвѣтитъ, или не припомнитъ названіе царя, города, рѣки или цифру года, стало быть не годится—разсуждать нечего. Такого рода мѣрка оказывается особливо жестокою при экзаменахъ пріемныхъ. И здѣсь требуется такъ называемое знаніе, то есть запоминаніе отвѣтовъ, именъ, формулъ и чиселъ,—тогда какъ самое нужное и существенное—распознать, что есть въ мальчикѣ, что онъ понимаетъ, на что онъ способенъ,—всмотрѣться въ его взглядъ

и манеру, вслушиваться въ рѣчь его. На все это—увы! недостаетъ времени, умѣнья и терпѣнія.

Значитъ ли это, что экзамены вовсе не нужны? Нѣтъ,—они нужны, они полезны, они могутъ возбуждать школу и оживлять учебное дѣло, но лишь въ томъ случаѣ, когда сама школа *живетъ*, а не является только неодушевленнымъ механизмомъ программнаго обученія. Когда учитель знаетъ своихъ учениковъ, различая ихъ поименно, то-есть по способности и свойству каждаго,—когда ученье въ школѣ не томитъ учениковъ, но привлекаетъ ихъ живымъ интересомъ и желаніемъ понимать и думать,—тогда экзаменъ пріобрѣтаетъ и для учителя и для ученика живой интересъ и получаетъ видъ праздника, вѣнчающаго учебное лѣто. Учителю—интересъ видѣть живой плодъ трудовъ своихъ и стараній, приложенныхъ къ воздѣйствію на умъ и на душу учениковъ; и ученику—интересъ сознательно выразить въ живомъ отраженіи, что онъ воспринялъ и понялъ въ урокахъ цѣлаго года. Когда онъ готовится къ экзамену, въ умѣ у него происходитъ художественная работа—какъ собрать, сопоставить и лучше выразить то, что ему предложено будетъ высказать на экзаменѣ. И учитель думаетъ, о чемъ ему спро-

сить мальчика,—не выдергивая только отрывочные вопросы изъ программы, не разыскивая по одной памяти ученика имена, цифры и формулы; думаетъ, какъ составить изъ учениковъ отдѣльныя группы, по которымъ будетъ онъ проводить свое испытаніе.—Въ этомъ видѣ экзаменъ перестанетъ быть мучительною инквизиціей мнимыхъ знаній, но получитъ разумное значеніе.



ВОСПИТАНІЕ ХАРАКТЕРА ВЪ ШКОЛѢ.

Воспитаніе характера въ школѣ.

(Barnett. Common sense in education and teaching. London. 1899).

Отдѣлять ученье или науку отъ воспитанія—пагубный предразсудокъ, въ который нынѣ впадаютъ многіе, особливо люди мечтающіе приготовить посредствомъ школы гражданина и совершить это посредствомъ науки. Самое ученье—какія бы ни были программы его—не достигаетъ своей цѣли, если въ немъ умственное образованіе не сливается съ нравственнымъ. Только тотъ умѣетъ учить, у кого въ мысли и то и другое нераздѣльно. Хорошо учить—значитъ помогать образованію добрыхъ навыковъ и затруднять образованіе дурныхъ навыковъ, а эти навыки—нераздѣльно и умственные и нравственные: одно безъ другого немыслимо. Напрасно предполагаютъ иные, что знаніе дается посредствомъ сообщенія и усвое-

нія фактовъ: это необходимо, но одно это еще недостаточно для пріобрѣтенія знанія. Знаніе должно имѣть *цѣльность*, и въ этомъ смыслѣ оно одинаково потребно для *всѣхъ*, хотя усовершеніе его зависитъ въ особенности отъ свойствъ и потребностей каждаго.

Воспитательное образованіе человѣка не имѣетъ предѣла: нѣтъ и не бывало человѣка, доросшаго до совершенства, и всѣ достигнутые человѣкомъ успѣхи служатъ лишь показателемъ того, чѣмъ онъ *можетъ* стать. Идеалъ совершенства, какой ставитъ передъ нами религія, недостижимъ: мы можемъ только стремиться къ нему послѣдовательнымъ ростомъ отъ силы въ силу,—таковъ законъ бытія и существа нашего.

Этимъ опредѣляется задача воспитателя. Онъ долженъ сообщать своему питомцу побужденія, открывающія ему возможность безграничнаго усовершенія, сообщать способность и силу идти впередъ, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и отъ матеріальной поддержки. Но доводя своего питомца до этой цѣли путемъ внимательной дисциплины, онъ долженъ соразмѣрять его силу, дабы не налагать на него прежде времени такія бремена, которыхъ онъ еще не въ состояніи понести.

Каждый человѣкъ съ дѣтства самъ по себѣ растетъ дѣйствіемъ природныхъ силъ своихъ. Положитесь на нихъ и оставьте его расти, говорятъ одни.—Не полагайтесь на нихъ, старательно учите его, говорятъ другіе. Истину надо искать между этими крайностями. Воспитатель долженъ дѣйствовать, но бѣда, если онъ забудетъ, что главнымъ дѣятелемъ воспитанія долженъ быть *самъ питомецъ*. Безъ *его* участія пропадетъ все дѣло воспитанія.

Иные философы склонны думать, что душа ребенка подобна листу бѣлой бумаги, на которой воспитатель можетъ писать, что ему угодно, и что въ этомъ состоитъ главное орудіе воспитанія. Такіе философы думаютъ, что всякое знаніе происходитъ прямо отъ чувственныхъ представленій, и всѣ умственные процессы суть не что иное, какъ видоизмѣненіе и совокупленіе ощущеній—стало быть, надо съ самаго начала дѣйствовать на воспитанника разсужденіемъ: въ такомъ случаѣ самое ощущеніе служитъ основою разсужденія, для коего нѣтъ иной опоры. Въ этой методѣ почти не остается мѣста самодѣятельности ученика: вся работа принадлежитъ учителю. Ученикъ представляется способнымъ къ усвоенію идей, превышающихъ покуда его познавательную способность, и память его обре-

меняется работой—въ надеждѣ на то, что пріобрѣтаемыя этимъ путемъ «знанія» сами собою усвоятся уму безсознательнымъ умственнымъ процессомъ. Съ другой стороны, постоянное обращеніе къ ощущенію ослабляетъ дѣятельность вниманія и не оставляетъ мѣста размышленію: отсюда, въ образованіи характера происходитъ обычная въ наше время у многихъ наклонность къ легкомыслію и въ дѣйствіяхъ, и въ рѣчахъ человѣка.

Каковы бы ни были природныя свойства воспитанника и свойства семейной и общественной среды, изъ которой онъ вышелъ,—долгъ воспитателя возбудить въ немъ самодѣйственную жизненную силу и утвердить въ немъ сознаніе, что онъ можетъ и долженъ самъ содѣйствовать своему духовному росту во всякое время,—и теперь, и тогда, когда не будетъ около него учителей и воспитателей. Для этого необходимо прежде всего сообщить и привить ему добрые навыки и способность умножать ихъ впослѣдствіи. Привычка дѣлать въ свое время все, что требуется добрымъ побужденіемъ, образуетъ мало по малу такую дисциплину побужденій и поступковъ, что правое дѣло становится проще и естественнѣе неправаго.

Первое условіе для воспитанія добрыхъ навыковъ есть порядокъ—порядокъ каждаго въ отдѣльности и каждаго класса. Сознательно установленный порядокъ долженъ быть таковъ, чтобы при немъ облегчалось пріобрѣтеніе добрыхъ навыковъ и затруднялось пріобрѣтеніе дурныхъ навыковъ—въ этомъ и смыслъ дисциплины.

Великое дѣло навыкъ: въ немъ существенная соблюдательная (консервативная) сила для природы человѣческой и для человѣческаго общества. Одного инстинкта мало для предохранительной цѣли: инстинктъ есть слѣпое, безсознательное побужденіе, вызываемое потребностью физической природы, и дѣйствіе его минутное. Но навыкъ,—хотя и получаетъ напослѣдокъ свойство автоматическое—въ самомъ началѣ своемъ держится по сознанію и требуетъ усилія воли.

Добрые навыки утверждаются практикою,—а дурные искореняются сокращеніемъ случайныхъ къ нимъ поводовъ: итакъ, дѣло воспитателя умножать поводы къ доброму навыку, возбуждая его и поощряя; для воспитанія добраго навыка требуется чистая атмосфера и доброе питаніе—чтобы навыкомъ пріучалась и утверждалась воля, къ добру направленная.

Если вглядѣться въ корень и порока и добродѣтели, окажется, что и добродѣтель, и порокъ—тоже навыки, мало по малу пріобрѣтающіе жизненную и творческую силу.

Какъ же долженъ дѣйствовать учитель?

Надобно ему прежде всего помнить, что навыки возникаютъ на почвѣ физическихъ, матеріальныхъ отношеній. Необходимо, чтобы въ нервахъ ученика произошло соотвѣтственное измѣненіе. Что съ перваго раза дается съ трудомъ, становится нетрудно въ другой разъ и въ третій, и потому не слѣдуетъ смущаться учителю, когда не удаются ему въ началѣ всѣ усилія съ ученикомъ или даже съ цѣлымъ классомъ—только нельзя ему забывать о физической обстановкѣ, посреди коей навыкъ долженъ утвердиться. Для того, чтобы пріучить учениковъ къ чистотѣ и опрятности, необходимо обставить ихъ опрятно и свѣтло; развѣ можно достигнуть этого въ грязной, не вычищенной, безъ порядка заваленной классной комнатѣ? Такъ, посредствомъ видимой обстановки учитель устраиваетъ въ школѣ атмосферу, благопріятную для дисциплины, для того, чтобы каждому стало легко вступить въ нее.

Сначала надобно утвердить порядокъ въ малостяхъ, пріучить учениковъ, чтобы они въ

малостяхъ умѣли управлять собою, то есть держать дисциплину. Тогда уже, когда они пріобрѣли этотъ навыкъ, учитель можетъ положиться на свободу ихъ во многомъ; тогда уже, напримѣръ, давъ задачу цѣлому классу, онъ оставляетъ его въ увѣренности, что каждый справится съ нею самостоятельно. Но и тутъ—главное, за чѣмъ надо слѣдить, и чѣмъ надобно пользоваться,—это стремленіе ученика къ самодѣятельности. Сознаніе своей силы, чувство удовлетворенія тѣмъ, что̀ самъ сдѣлалъ, до чего самъ достигъ—это самое сильное воспитательное средство: это сознаніе побуждаетъ идти впередъ, совершенствоваться. Всякое новое умственное усиліе болѣе или менѣе тягостно, и въ школьной жизни ученикъ часто встрѣчается съ трудною, непріятною работой,--для которой требуется усиліе воли. Всѣми такими случаями учитель долженъ пользоваться, наблюдая, чтобы усиліе воли не ослабѣвало и укрѣплялось частою практикой. Иначе можетъ ослабѣть самодѣятельность и застынетъ въ механическомъ навыкѣ. Вотъ почему трудно бываетъ справляться съ дѣтьми, которыя выросли дома въ строгой дисциплинѣ, и въ механическомъ послушаніи, не оставлявшемъ мѣста развитію и усиліямъ воли. И въ школѣ не приводитъ къ

добру такая система одной лишь внѣшней дисциплины, строгое соблюденіе коей считается главнымъ признакомъ добраго поведенія.

Ходъ развитія можетъ быть выраженъ въ трехъ словахъ, означающихъ его ступени: *попробую,—сдѣлалъ,—пойду дальше.*—Первая ступень—усиліе сдѣлать. Къ усилію побуждаетъ трудность. Ощущеніе трудности непріятно. Надо преодолѣть его усиліемъ. Дисциплина возбуждаетъ ученика сдѣлать усиліе, чтобы достигнуть цѣли, то есть сдѣлать, что нужно. Наградою усилія будетъ во первыхъ успѣхъ, во вторыхъ облегченіе дальнѣйшихъ усилій—ученикъ идетъ впередъ,—а конечнымъ результатомъ будетъ качественное преобразованіе въ характерѣ ученика. Въ смыслѣ физіологическомъ преобразуется все нервное его настроеніе—изъ ненормальнаго въ нормальное и постоянное.

Въ людяхъ взрослыхъ часто видимъ неумѣнье держать себя въ обществѣ, грубость рѣчей и пріемовъ, проявленіе эгоизма. Это происходитъ большею частью не столько отъ особенныхъ свойствъ природныхъ, сколько отъ *невоспитанности.* Вотъ почему на этотъ важный предметъ должно быть обращено вниманіе воспитателя добрыхъ навыковъ. Онъ долженъ примѣчать раннія проявленія грубости и эго-

изма, останавливая ихъ, но въ то же время пользуясь всѣми случаями, въ коихъ ученикъ пріучается сдерживать себя. Малыя дѣти не должны грубо драться и щипаться, за столомъ должны сидѣть въ порядкѣ и т. п. Когда подрастутъ, надобно, чтобы въ нихъ развивалось понятіе объ общихъ интересахъ, о чести, и обязанностяхъ цѣлаго класса. Для этого полезенъ существующій во многихъ школахъ обычай возлагать на самихъ учениковъ разумную и отвѣтственную заботу о нуждахъ цѣлаго класса и уходъ за порядкомъ въ классѣ, его обстановкѣ и принадлежностяхъ, въ занятіяхъ, развлеченіяхъ, играхъ и т. п. Этой цѣли служитъ учрежденіе мониторовъ, префектовъ, старшихъ, старостъ и т. п. Надобно помнить, что каждый изъ учениковъ станетъ когда нибудь въ своемъ мѣстѣ гражданиномъ, съ участіемъ въ дѣлахъ общественныхъ, и школа должна пріучить его такъ, чтобы онъ современемъ и въ такомъ важномъ дѣлѣ руководствовался не личнымъ интересомъ и самолюбіемъ; чтобы онъ учился понимать, что истинная свобода состоитъ совсѣмъ не въ своеволіи, а напротивъ, для того чтобы свободою пользовались всѣ, необходимы для всѣхъ твердыя правила о томъ, что слѣдуетъ дѣлать и чего

нельзя дѣлать, отъ чего слѣдуетъ воздерживаться.

Великое дѣло пріучить дѣтей къ правдивости. Корни лжи скрываются глубоко въ натурѣ каждаго ребенка—у одного они болѣе упорны, у другого менѣе, ибо не у всякаго натура здоровая и умъ здравый. Въ борьбѣ съ ложью надобно дѣйствовать и на умъ, и на сердце. Прежде всего необходима воспитателю самая строгая справедливость въ отношеніи къ ученикамъ,—она должна вызвать въ каждомъ соотвѣтственное сознаніе правды. Источникомъ лжи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ служитъ почти всегда побужденіе эгоизма или себялюбія—желаніе выгоды, желаніе избѣжать наказанія или горькаго сознанія вины своей. Воспитатель долженъ приступать къ лѣченію этой лжи,—но крайне осторожно, и тѣмъ осторожнѣе, чѣмъ малолѣтнѣе виновный. Ни страхомъ, ни строгимъ приказомъ нельзя вылѣчить эту болѣзнь. Боже избави настаивать на испорченности ребенка, обращаясь къ нему, какъ къ негодяю,—это значитъ испортить все дѣло. Можно только мало по малу завоевать умъ и сердце ребенка, ввести его въ область правды. Всего надежнѣе—будить въ немъ чувство достоинства и къ этому чувству обращаться. Идеалъ для ребенка—быть

большимъ человѣкомъ: надобно, чтобы онъ понялъ, какъ этотъ идеалъ искажается и разрушается ложью.

И въ преподаваніи необходимо учителю соблюдать умственную правду. Всякое дѣло умственной работы въ классѣ должно быть въ виду всѣхъ такимъ, каково оно есть въ дѣйствительности. Разрѣшается ли задача, составляется ли грамматическая конструкція, пишется ли сочиненіе или сказывается урокъ,—не слѣдуетъ допускать, чтобы дѣло не сдѣланное получило видъ сдѣланнаго, невѣдѣніе казалось достаточнымъ знаніемъ, ходячее слово безъ опредѣленнаго значенія принималось безъ сознанія и объясненія. И учитель долженъ смотрѣть за собою, когда даетъ объясненіе или отвѣтъ на вопросы ученика, чтобы мысль его и слово его были ясныя и не туманныя; самъ онъ долженъ учиться, приготовляясь къ уроку. Все ученье пропало даромъ, если ученикъ не вынесъ изъ него привычку къ добросовѣстности и аккуратности въ работѣ, привычку продумывать все, что онъ дѣлаетъ, привычку употреблять слова въ истинномъ, точномъ ихъ значеніи. Въ этомъ отношеніи учитель долженъ служить примѣромъ,—авторитетъ его поколебленъ, если ученики замѣчаютъ, что самъ онъ шарлата-

нить въ урокахъ. Умный учитель, когда сознаетъ самъ, что въ рѣшеніи напр. задачи или въ иной работѣ нѣтъ у него твердаго умѣнья, пользуется этимъ случаемъ для того, чтобы пріобщить ученика къ уясненію предмета, чтобы вмѣстѣ съ нимъ найти выходъ изъ затрудненія: этимъ оживляется интересъ и укрѣпляется въ ученикѣ сознаніе плодотворности добросовѣстнаго труда.

Всякое ученье должно быть проникнуто нравственнымъ началомъ,—но воспитывать нравственное чувство одними наставленіями—невозможное и фальшивое дѣло. Французскіе педагоги дѣлаютъ изъ нравственности учебный предметъ; вводятъ у себя учебники нравственности, возводятъ нравственное ученье въ систему; система установляетъ категоріи нравственности съ объясненіемъ иногда отрицательныхъ явленій по предметамъ, о коихъ ученикъ не имѣетъ еще въ жизни понятія. Такое ученіе можетъ приносить только вредъ, а не пользу. Можно представить отвлеченныя черты той или иной добродѣтели, правило добраго поведенія,—но къ чему послужитъ это правило, когда вмѣстѣ съ нимъ нѣтъ готоваго случая примѣнить это правило къ жизни? Образованіе характера совершается послѣдовательно медленнымъ ходомъ, а юный, незрѣ-

лый умъ не въ состояніи живо и дѣйственно усвоить себѣ отвлеченное понятіе или отвлеченный образъ. Учитель въ состояніи иногда одушевить этимъ образомъ молодого человѣка, возбудить горячее его сочувствіе; но это будетъ лишь впечатлѣніе, и, повторяясь, можетъ породить одну лишь сентиментальность, если жизнь и обстановка не дастъ ученику готовыхъ случаевъ испытать себя и правило на дѣлѣ. Одна *умственная* или воображаемая добродѣтель— ничего не стоитъ и производитъ лишь самообольщеніе. Справедливо замѣчаютъ, что когда умъ чрезмѣрно занятъ отвлеченностями и образами, нерѣдко ослабляется вмѣстѣ съ тѣмъ энергія воли.

Часто повторяемыя наставленія и запреты, какъ бы ни были убѣдительны и строги, мало приносятъ пользы, а отъ повторенія теряютъ всякую силу. Но школьная жизнь представляетъ учителю, можно сказать, на всякомъ шагу готовые случаи возбудить ученика во время сказаннымъ словомъ, для того чтобы воспитать въ немъ влеченіе къ добру и отвращеніе отъ зла...

Особенной внимательности требуютъ награды и наказанія. Въ дѣйствительной жизни, на рынкѣ дѣлъ человѣческихъ, всякая дѣятельность слу-

житъ ареною для состязанія объ успѣхахъ и наградахъ, и чѣмъ больше стремящихся къ тому и другому, тѣмъ живѣе и ревностнѣе состязаніе. Самыя крупныя награды достигаются усиленною борьбою одного—противъ остальныхъ соперниковъ. Въ маломъ видѣ школьной жизни отражается то же явленіе. Соперничество въ погонѣ за почестями, за славой, служитъ главною пружиной всякой дѣятельности и сильнымъ двигателемъ успѣховъ въ наукѣ и искуствѣ. Но въ примѣненіи къ школѣ развитіе подобнаго соперничества ведетъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Оно возбуждаетъ и поддерживаетъ въ ученикѣ желаніе добыть для себя лично то, что другимъ не достается, и мѣшаетъ развитію желательнаго расположенія быть пріятнымъ для всѣхъ тѣхъ, чьимъ мнѣніемъ дорожить надо. Мы привыкаемъ измѣрять свое достоинство тѣмъ, что мы въ состояніи сдѣлать—но эта мѣра обманчива: правая мѣра достоинства—во внутреннемъ человѣкѣ, а та мѣра, если преобладаетъ, способна вносить въ жизнь и отношенія чувства необщительныя,—тщеславіе и зависть. Здравому смыслу и бдительности воспитателя предлежитъ уравновѣшивать по возможности эти теченія. Съ малыми дѣтьми особенно требуется осторожность въ распредѣленіи

наградъ, и во всякомъ случаѣ достоинство должно принадлежать не столько совершенному дѣлу, сколько добросовѣстному старанію: не столь важно дѣло, сколько свойство дѣланія. Чрезмѣрная погоня за школьными наградами можетъ гибельно отразиться на дальнѣйшемъ развитіи молодыхъ людей, и въ будущей дѣятельности ихъ превратится въ страсть къ похваламъ, наградамъ и отличіямъ (laudum immensa cupido). Изъ всѣхъ видовъ награды самый лучшій, самый дѣйствительный,—это слово одобренія, во время сказанное добрымъ и разсудительнымъ наставникомъ. Но самою существенною и самою естественною наградою дѣла служитъ всякому дѣятелю чувство удовлетворенія совершеннымъ дѣломъ или работою. Если наставникъ съумѣлъ довести своихъ питомцевъ до живого ощущенія своихъ успѣховъ, движеніе впередъ обезпечено. Когда дѣлатель заинтересованъ въ усовершеніи своего дѣла и дѣлаетъ его добросовѣстно, и можетъ сказать себѣ сознательно: «хорошо сдѣлано», это ему своя награда, которую можно назвать творческимъ сознаніемъ совершеннаго.

Здравая дисциплина не можетъ обходиться безъ наказаній. Но какъ въ наградахъ, такъ и въ наказаніяхъ наставникъ долженъ быть крайне

бережливъ и разсудителенъ. Школа, гдѣ сыплются наказанія—нехорошая, нездоровая школа. У малыхъ дѣтей ощущенія сосредоточены главнымъ образомъ въ сферѣ физической природы, и для нихъ ощутительнѣе всего матеріальная сторона—и наградъ и наказаній. Но по мѣрѣ ихъ возрастанія, эта сторона теряетъ свое значеніе, и надежнѣе становится и для того и для другого обращаться къ воображенію, симпатіямъ и разсудку. Въ здравой школьной организаціи самымъ чувствительнымъ наказаніемъ должно служить чувство осужденія и порицанія со стороны наставника и товарищей.

Въ умственной области движеніе и развитіе мысли совершается посредствомъ ассоціаціи идей. Мысль таится въ душѣ, доколѣ не коснется ея и не приведетъ ее въ движеніе другая мысль, внушаемая тѣмъ или другимъ явленіемъ. То же самое происходитъ въ области нравственныхъ ощущеній: возбужденная мысль, приходя въ движеніе, ищетъ выразиться въ видимости, въ дѣйствіи. Гдѣ только сошлось два-три человѣка вмѣстѣ, начинается взаимное внушеніе и воздѣйствіе, и совершается непрерывно. Нерѣдко случается, что человѣкъ, приглядываясь къ пріемамъ и способамъ дурныхъ и преступныхъ дѣйствій, самъ къ тому же склоняется; но и

склонность къ добру подчиняется такому же закону внушенія и воспріимчивости, и тѣсно связана съ свойственнымъ болѣе или менѣе каждому стремленіемъ *къ подражательности.* Вникая въ это свойство, мы видимъ, что оно дѣйствуетъ во многихъ случаяхъ *автоматическимъ* побужденіемъ, въ началѣ даже безъ участія воли. Въ этомъ смыслѣ подражательность можно считать источникомъ и двигателемъ человѣческихъ учрежденій, нравовъ и обычаевъ всякаго рода, и то, что ею возбуждено и въ ней утвердилось, трудно бываетъ въ послѣдствіи искоренить или излечить дѣйствіемъ разумнаго разсужденія и воли, и въ области умственной и въ области нравственныхъ ощущеній и понятій.

Есть, неоспоримо, какая-то скрытая внутренняя сила, которая возбуждаетъ въ душѣ человѣка сочувственное движеніе при видѣ дѣйствія человѣческаго или человѣка дѣйствующаго, и захватываетъ воображеніе. Это свойство долженъ имѣть въ виду воспитатель въ своихъ отношеніяхъ къ ученикамъ: живое слово учителя, живой примѣръ его—вотъ главные пути внушенія, коими онъ дѣйствуетъ на ученика, возбуждая въ немъ дѣятельную силу,—воспитываетъ волю его добрыми побужденіями и навыками, утверждаетъ въ умѣ его живыя идеи и понятія.

Свойство сильнаго характера состоитъ въ способности управлять людьми, то есть въ способности внушенія, въ способности вызывать и оживлять въ нихъ сочувствіе и подражательность. Итакъ, долгъ учителя—прежде всего зорко смотрѣть за собою: весь образъ дѣйствія его въ обращеніи съ учениками имѣетъ, въ авторитетномъ его положеніи, внушительную силу. И надобно еще помнить, что всякій человѣкъ въ дѣйствіяхъ своихъ имѣетъ заднюю мысль о томъ, какъ его разумѣютъ, и чего отъ него ожидаютъ: очень важно сознаніе, что ждутъ отъ него добраго, а не дурного. Если ученику по привычкѣ твердятъ все одно, что онъ негодный, что онъ злой и т. п., и онъ, пріучаясь къ этой мысли, становится негоднымъ.

Воспитатель тѣмъ увѣреннѣе можетъ положиться на ученика своего, чѣмъ увѣреннѣе ученикъ, что воспитатель относится къ нему съ довѣріемъ. Напротивъ того, постоянное недовѣріе, подозрительность, частое повтореніе выговоровъ, наставленій, запретовъ, можетъ повести къ деморализаціи ученика и къ ослабленію въ немъ дѣятельной силы.

Говоря о внушеніяхъ, нельзя забывать о томъ, какимъ могучимъ орудіемъ внушенія служитъ, особливо въ наше время, литература,

и книжная и газетная. У всякаго образуется нынѣ характеръ подъ сильнымъ воздѣйствіемъ чтенія: завладѣвая воображеніемъ, идеи и представленія, выхваченныя изъ книгъ, мало по малу дѣйствуютъ на всю нервную организацію. Вотъ почему воспитатель не можетъ и не долженъ быть равнодушенъ къ содержанію и характеру книгъ, которыя обращаются въ рукахъ учениковъ его.

ВЪ СИНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

К. П. Побѣдоносцева:

О подражаніи Христу. *Ѳомы Кемпійскаго.* Переводъ съ латинскаго. Изд. 6-е, съ размышленіями изъ духовныхъ писателей. СПБ. 1896. Ц. **1** р. **25** к.

Исторія Православной церкви до начала раздѣленія церквей. Изд. 4-е. СПБ. 1898. Ц. **75** к.

Праздники Господни. Изд. 6-е. М. 1902. Ц. **50** к.

Побѣда, побѣдившая міръ. Изд. 9-е. М. 1898. Ц. **45** к.

Московскій сборникъ. Изд. 5-е, допол. М. 1901. Ц. **1** р. **40** к.

Христіанскія начала семейной жизни. М. 1901. Ц. **75** к.

Исторія дѣтской души. Повѣсть не для дѣтей. М. 1902. Ц. **1** р.

Новая школа. Изд. 2-е. М. 1899. Ц. **50** к.

Ученье и учитель. Педагог. замѣтки. М. 1903. Ц. **30** к.

Призваніе женщины въ школѣ и обществѣ. М. 1901. Ц. **40** к.

Сборникъ сочиненій Гилярова-Платонова, въ двухъ томахъ. М. 1899. Ц. **4** р.

Основная конституція человѣческаго рода. Соч. *Ле-Плѐ.* М. 1897. Ц. **75** к.

Вѣчная память. Воспоминанія о почившихъ. М. 1899. Ц. **75** к.

Правда о гр. Львѣ Толстомъ. М. 1900. Ц. **15** к.

ВЪ СИНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

К. П. Побѣдоносцева:

О подражаніи Христу. *Ѳомы Кемпійскаго.* Переводъ съ латинскаго. Изд. 6-е, съ размышленіями изъ духовныхъ писателей. СПБ. 1896. Ц. **1** р. **25** к.

Исторія Православной церкви до начала раздѣленія церквей. Изд. 4-е. СПБ. 1898. Ц. **75** к.

Праздники Господни. Изд. 6-е. М. 1902. Ц. **50** к.

Побѣда, побѣдившая міръ. Изд. 9-е. М. 1898. Ц. **45** к.

Московскій сборникъ. Изд. 5-е, допол. М. 1901. Ц. **1** р. **40** к.

Христіанскія начала семейной жизни. М. 1901. Ц. **75** к.

Исторія дѣтской души. Повѣсть не для дѣтей. М. 1902. Ц. **1** р.

Новая школа. Изд. 2-е. М. 1899. Ц. **50** к.

Ученье и учитель. Педагог. замѣтки. М. 1903. Ц. **30** к.

Призваніе женщины въ школѣ и обществѣ. М. 1901. Ц. **40** к.

Сборникъ сочиненій Гилярова-Платонова, въ двухъ томахъ. М. 1899. Ц. **4** р.

Основная конституція человѣческаго рода. Соч. *Ле-Плѐ.* М. 1897. Ц. **75** к.

Вѣчная память. Воспоминанія о почившихъ. М. 1899. Ц. **75** к.

Правда о гр. Львѣ Толстомъ. М. 1900. Ц. **15** к.

Stanford University Libraries
3 6105 025 754 768